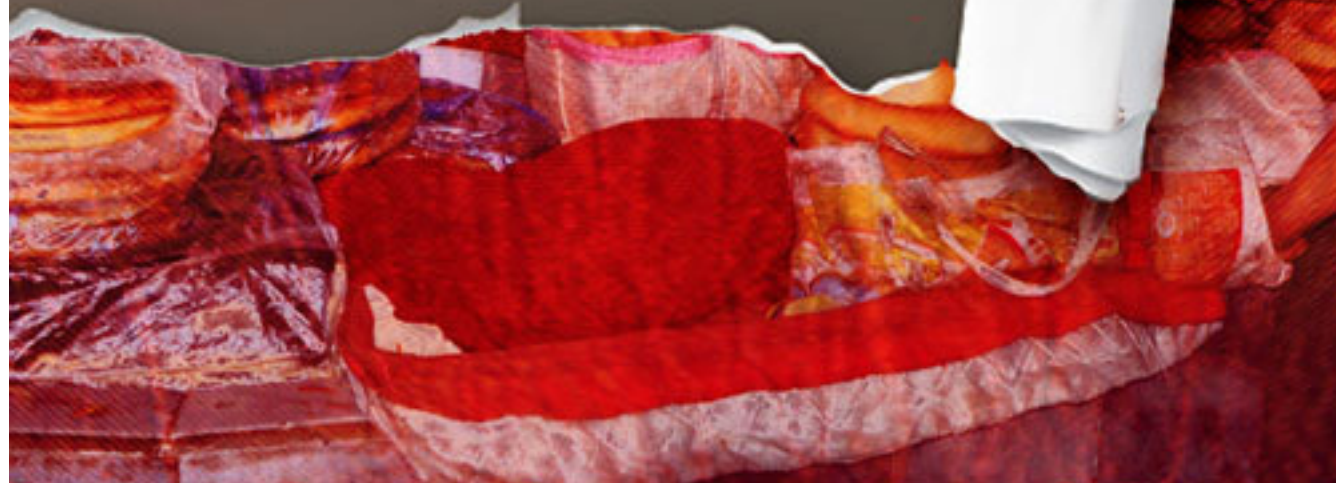

Александр Сорочинский

Восток – дело тонкое...

Александр Сорочинский
Восток – дело тонкое...

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2013

Сорочинский А.

Восток – дело тонкое... / А. Сорочинский — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC», 2013

Но в моей памяти и весь Таджикистан, и город Душанбе, и посёлок Разведчиков – останутся такими, какими я их знал – экзотической, дружелюбной восточной страной, с сильно развитой семейственностью, причём, не только дома или в посёлке, но и во всём государстве, включая административную власть и милицию. Тогда это не казалось чем-то страшным, воспринималось, как интересная местная восточная особенность, в крайнем случае, могло лишь вызвать улыбку. Конечно, даже по моему прошлому впечатлению, никакого отношения к социализму тогдашний Таджикистан не имел... В разгар перестройки появилось большое количество так называемых «шоп – туров». Это поездки населения за товарами той страны, в которую организовывался «шоп-тур», ничего общего с туризмом не имеющие. В Пакистан тогда ездили еще мало, для наших туристических организаций и «челноков» это была еще «дикая, неосвоенная территория». Естественно, были сделаны попытки наладить коммерческие отношения и с Пакистаном, на уровне частных «шоп-туров». В одну из первых таких поездок мы и купили путевки.

© Сорочинский А., 2013

© PUBLISH-SELL-BOOK LLC, 2013

Содержание

Часть 1. В социалистическом Таджикистане	6
1. Проводы.	6
2. Посёлок Разведчиков	16
3. Гюрзёнок	21
4. Восточный базар	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Сорочинский

Восток – дело тонкое...

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть 1. В социалистическом Таджикистане

1. Проводы.

Наконец-то, мы удобно расположились в креслах самолёта ТУ-134 и летим рейсом на Таджикистан, в город Душанбе! Можно сказать – случайность, хотя, собственно, и вся наша жизнь состоит из нагромождения случайностей, замысловато связанных между собой. Мне нехорошо в ожидании полёта, когда ещё не работает вентиляция, плохо во время набора высоты из-за смены давления в салоне, хотя это происходит очень плавно, наконец, просто отвратительно во время самого полёта, несмотря на работающую вентиляцию и убаюкивающий гул турбин нашего реактивного лайнера. «Тушка» время от времени проваливается в воздушную яму. Какое счастье, что я абсолютно не подвержен морской болезни, иначе у стюардесс не хватило бы гигиенических пакетов для меня одного. Что делать, теперешнее моё состояние – это ещё не самая заслуженная расплата за весёлую ночь проводов в общежитии, в тёплой компании друзей, студентов – геологов.

Для прохождения производственной практики после окончания третьего курса геологического факультета МГУ, я должен был прибыть в гидрогеологическую партию Курган – Тюбинской экспедиции. Это подразделение располагалось в посёлке Разведчиков, в шестидесяти километрах от города Душанбе. Поэтому нужно было лететь самолётом до Душанбе, а затем, рейсовым автобусом добираться до самого посёлка. Мой сосед по комнате – Володя, также должен был поработать сезон в Таджикистане, с той лишь разницей, что из Душанбе ему нужно было добираться наземным транспортом до другой геологической партии. Но, у меня авиабилет был уже куплен, а у Володи на руках были только деньги на него, и лететь он должен был лишь через два дня после меня. А пока он спокойно провожал меня вместе с двумя другими соседями по комнате – Сашей большим, отслужившим в десанте и окончившим первый курс того же геологического факультета, и его одноклассником – Сашей маленьким, отслужившим аж три года во флоте.

Володя, был ранее попрошен с первого курса за развесёлое поведение. Угодил в армию, да ещё в стройбат, потому что не хотел призываться по месту жительства, чтобы не расстраивать родителей. А в строительных частях, в то время, служили самые отъявленные ребята из России, с судимостями, или за пять минут до них. Они составляли доминирующий костяк, определяющий порядок взаимоотношений там между «сослуживцами». Основную же численность стройбата обеспечивали простые, полуграмотные, плохо говорящие по-русски, забитые призывники из отдалённых кишлаков среднеазиатских республик – называемые российскими уголовниками в зависимости от настроения:

либо просто – «чурками», либо – «чурбанами с глазами», либо – «чурками «сексуально использованными» с заменой последнего эпитета на – нелитературный. Этим последним в стройбате¹ за людей не считали вообще, и позавидовать их положению во время такой «службы» мог только ненормальный.

¹ «Воинские» формирования стройбата вообще были абсолютно уникальным явлением в Вооружённых Силах СССР. «Стройбат» имел отношение к армии заменяют экскаватор», или – «Зачем на свете нужен ад, когда в России есть стройбат», или насмешливая поговорка по отношению к стройбатовцам, выходцам из Средней Азии – «Здесь вам не тут – здесь вам быстро отвыкнут водку пьянствовать и безобразия нарушать (дисциплину хулиганить)!». Стройбат мирного советского периода, по положению людей в нём, сильно смахивал на штрафбат военного времени. Между «военнослужащими» там буйно процветали и причудливо переплетались различные формы неуставных взаимоотношений только по наименованию. В то же время, его нельзя было назвать и одним из лагерей ГУЛАГа. Точнее всего, это был принудительный трудовой лагерь для трудных молодых людей призывного возраста и выходцев из сельской местности республик Средней Азии, которых «поймали

Володе после первого же месяца службы украинцы – «деды» отбили почку, как строптивому, «молодому», хотя по возрасту на «молодого» он уже никак не тянул. Этот печальный эпизод его жизни предопределил негативное отношение к украинцам на всю оставшуюся жизнь. Он с негодованием рассказывал мне: «Представляешь, в моей части было двенадцать сержантских должностей и служили сорок хохлов». Лицо его краснело от возмущения при последующем вопросе: «И что ты думаешь?»

Все сорок хохлов были сержантами! За «лычку» мать родную продадут!

Они, тусы, толпой и избивали меня. Я отбивался изо всех сил и «расквасил» носы двоим или троим нападавшим, в полутьме помещения было непонятно. Ну, после этого хохлы – сержанты окончательно озверели. Когда сбили с ног, то пинали сапогами уже всерьёз, сознательно хотели искалечить. Так что, можно считать, что отбитая почка – довольно лёгкое завершение избивания».

Я попытался заступиться за «хохлов», потому что наш сокомнатник Саша большой, присутствовавший во время этого рассказа, был украинцем: «Ну, не все же они такие!». Володя недобро посмотрел на меня, упорно не глядя на Сашку и в сердцах воскликнул: «Шурка, ни одного хохла – человека в жизни не видал!».

Не помогло Володе и то, что в старшем школьном возрасте он был чемпионом Узбекистана по боксу среди юношей в весе до шестидесяти килограммов. Две недели после «воспитательной беседы» ходил по малой нужде кровью.

Зато во время продолжения рассказа и до его окончания, Володин рот растягивался практически до ушей, а с лица не сходила блаженная злорадная улыбка: «Когда отлежался в госпитале и вернулся в часть, ко мне подошёл русский парень недавнего призыва из «молодых» – Юрка Королёв, по прозвищу «Король». Это был прекрасно сложенный голубоглазый блондин с внезапной появляющейся на лице широченной лучезарной улыбкой. Она была такой простодушной и заразной, что на неё не могли не ответить невольной улыбкой даже «отцы – командиры», во время очередного разноса, учиняемого Королёву за какой-нибудь проступок. Юрка был бы у «истинных арийцев», последователей фашистской теории Ницше, ярчайшим

в горах и привезли в стройбат на вертолётах». Всех этих людей на два года принуждали к тяжелейшей трудовой повинности на земляных и бетонных работах за копеечную оплату. До сих пор в обществе ходит множество прибауток о стройбате, например: «Два солдата из стройбата, самой лёгкой и безобидной из которых была – «дедовщина». Основным же законом отношений между солдатами в стройбате были порядки тюремной «зоны», жизнь «по понятиям». Слово «дедовщина» употреблялось в тогдашнем обществе только в разговорах на кухне, но в армии оно было уже основой «воспитательного процесса молодых солдат». «Дедовщина» негласно, а зачастую и гласно, поощрялась офицерами в частях всех родов войск, так как снимала с плеч командиров проблемы поиска подхода к непривычным к армейской дисциплине молодым, иногда весьма ершистым ребятам с «гражданки». И действительно! Ну, скажите на милость, зачем измученному «бездной служебных забот» офицеру прилагать изо дня в день множество душевных сил, с совершенно негарантированным результатом, для убеждения строптивого солдатика в необходимости беспрекословного соблюдения армейского устава и выполнения всех приказов командиров? Значительно легче дать свободу действий «старикам», и те, всего за одну ночь добьются необходимого результата! Они сломают «молодого» (как немногим раньше сломали каждого из них!) морально, а если тот окажется особенно несговорчивым, то и – физически, и он, под страхом повторения насилия, сразу всё поймёт. Более того, он будет подготовлен психологически к тому, чтобы в будущем самому стать воспитателем-насилником по отношению к более «молодым» солдатам. А после демобилизации, новоявленный миру монстр, возвращённый из наивного простодушного ребёнка, готов будет силой решать свои проблемы в нашем гражданском обществе. А почему бы и нет? Он ведь на всю оставшуюся жизнь получил прививку фашистской заразы! Теперь мальчик, с поставленными с ног на голову представлениями о жизни в обществе, будет точно знать, что всё во взаимоотношениях между людьми решает не устав, и не закон, а грубая, жестокая, если потребуется, то и – беспощадная физическая, или иная сила: «Прав тот, у кого больше прав!». Самое приятное для младших офицеров в этой, годами до мелочей отработанной методике было то, что эти гнусные преступления над «надеждой нашей и оплотом», о которых в Советской Армии и Флоте, да и во всём СССР, в деталях знала «любая собака», происходили с молчаливого согласия, и даже одобрения «отцов – командиров». Эти последние зачастую назначались из чем-то проштрафившихся офицеров, попавших сюда практически в ссылку. Сплошь и рядом они сами подталкивали «стариков» к совершению противоправных действий над «молодыми», «для создания и поддержания порядка в части и в казарме, в том числе – и в ночное время». Офицеры, официально, не имели никакого отношения к неуставным взаимоотношениям между новобранцами и старослужащими. Более того, если отдельные эпизоды этой смердящей язвы нашей армии выплывали наружу и становились достоянием гласности, командир части всё равно оставался «белым и пушистым». Тогда он мог для вида даже слегка пожуричь «деда», явно перестаравшегося с «поддержанием дисциплины среди армейской молодёжи и воспитанием её боеспособности».

образцом их сверхчеловека – «белокурой бестии». За плечами у этого «молодого» рядового был богатый жизненный опыт в виде двух «ходок» за решётку за хулиганство и нанесение тяжких телесных повреждений сроком на два, и на три года.

Сразу из-за решётки он и пришёл «молодым» солдатом в эту строительную часть. Отличительными чертами этого русского богатыря кроме недюжинной силы, змеиной быстроты и кошачьей ловкости были: редкое хладнокровие в любых обстоятельствах, необычайная отвага, при полном пренебрежении к опасности. Похоже, детство и юность он провёл в тяжёлых условиях, которые закалили до нынешнего состояния его душу и тело.

Он внимательно, не перебивая и не задавая лишних вопросов, выслушал Володю, ковыряя носком сапога песок, которым была аккуратно отсыпана дорожка в части. В продолжение рассказа Юрка опустил взгляд в землю. После того, как Володя закончил своё грустное повествование, «Король» прямо посмотрел на рассказчика. Тот вздрогнул от ледяного взгляда синих глаз, у которых не видно было дна, хотя, плохо скрываемое в глубине глаз бешенство, предназначалось не ему, а совсем наоборот – его врагам. Володя рассказывал: «В этот миг я даже пожалел сержантов. Юрка коротко, едва разжимая губы от ярости, хотя выглядел, как всегда спокойным, проговорил: «Ты только замани мне их в дровяной сарай, а дальше я сам».

– Они же только большой «кодлой» ходят.

Криво усмехнувшись, «Король» лаконично процедил:

«Чем больше приведёшь – тем лучше».

Володя критически, с большим сомнением посмотрел на Юрку. Конечно, «Король» – настоящий русский богатырь и отчаянный бесстрашный сорвиголова, но сорок самоуверенных, наглых от безнаказанности «стариков» – это очень большая сила. Однако ненависть к хохлам-сержантам была так сильна, а желание рассчитаться с ними их же монетой столь велико, что Володя, стяхнул последние сомнения. Он, как с высокого обрыва в глубокий неизвестный омут, очертя голову, без оглядки, ринулся в эту рискованную авантюру. Решительно, нагло и уверенно, вразвалочку, Володя с угрожающим видом подошёл к одному из украинцев – сержантов. Особенно не стесняясь в выражениях, он вызвал одного из самых авторитетных «стариков», крайне изумлённого беспрецедентной наглостью «молодого», на разговор один на один в дровяной сарай, располагавшийся на территории части. Это ветхое дощатое строение с еле еле закрывающейся дверью на ржавых петлях и широкими горизонтальными щелями между полусгнившими трухлявыми досками во всю стену, служило нештатным местом для «воспитания» «молодых» солдат и всех других выяснений отношений между военнослужащими подразделения. Именно там состоялось первое «внушение» Володе, после которого он угодил в госпиталь.

Как и предполагал Володя, по его вызову на поединок «один на один» явилась, «кодла» «храбрецов» общим числом в четырнадцать человек! Ввалились плотно сбитой стаей и начали опасно озираться. К своему удивлению, никого, кроме Володи, не обнаружили. Облегчённо вздохнули и с недоумением, вопросительно уставились на одного-единёшенька недобитого наглого «молодого».

Плохо скрываемый страх и недоумение быстро сменились злостью и вызывающей, насмешливой, высокомерной наглостью: «Ну, что, «сын»», мало тебе оказалось первого внушения? Обиделся на «стариков», потративших силы и время на воспитание тебя – дурака, шерсть на них вздыбил? Один на один захотел подраться с уважаемым «стариком», боксёр-чемпион!? Не дошло ещё до тебя, что здесь не спортивный ринг, что жить тут будешь по нашим законам, делать будешь то, что мы тебе скажем, причём, выполнять наши приказы будешь бегом, мелкой рысью, на полусогнутых! Придётся нам снова потратить силы и время на тебя, «молодой» наглец, чтобы ещё раз, уже подходчивей объяснить, куда ты попал, и как нужно разговаривать «салаге» со «стариками»! Теперь ты у нас не только ссать кровью будешь, а и харкать ею начнёшь! Если, конечно, тебе повезёт, и ты ещё доживёшь до госпиталя!».

С такими угрозами толпа «смельчаков» взяла в плотное полукольцо отступающего Володю и, медленно приближаясь, прижала его спиной к высокой дровяной поленнице. Кто-то из сержантов предусмотрительно закрыл входную дверь сарая на внутреннюю щеколду. «Старики» своими руками захлопнули уготованный им капкан! Володя испытывал злорадное удовольствие от известного пока ему одному невидимого присутствия бесстрашного «Короля». Однако в его памяти было ещё слишком свежо воспоминание о недавней «встрече» с этими же «стариками» и результатах этого «разговора». Он прекрасно понимал, что не появившись сейчас «Король» и сержанты выполнят свою угрозу, и если не убьют, то уж точно всерьёз искалечат его. Неконтролируемый мгновенный предательский холодок страха скользнул по спине Володи, слегка царапнул его по сердцу. Однако он не подал виду, тут же овладел собой и продолжал напряжённо ожидать спасительного Юркиного появления.

В этот, критический для окружённого «салаги», момент, из-за поленницы, на освещённый солнечным лучом пятачок перед нападавшими, лениво, как бы нехотя, по-кошачьи бесшумно ступая, вышел, наконец, «Король». Сильной рукой отстранил Володю в сторону и задумчиво повторил, глядя прямо в глаза последнему «говоруну»: «Кровью, говоришь, харкать будет?». Сержанты мгновенно онемели и застыли, как истуканы, в тех самых позах, в которых застало их неожиданное и безрадостное, не сулившее ничего хорошего, появление нового «салаги» – рядового Юрки Королёва. Ситуация в мгновение ока изменилась для обеих противоборствующих сторон с точностью до – наоборот. До сих пор «старики» ещё не имели с Королёвым дела, но были наслышаны о его бурной биографии и отдельных эпизодах его поведения уже в этой части, поэтому их охватило нехорошее предчувствие. Как вскоре оказалось, не лишённое оснований, то есть, можно сказать – вещее!

Молниеносный, почти незаметный для человеческого глаза лавиный прыжок, сопровождал незатейливый прямой удар неимоверной силы, кулаком в грудь «оратора». В полной тишине, в которой слышно было, как пролетает муха, раздался звук, похожий на стук резиновой колотушки по пустой деревянной бочке, сопровождаемый явственно слышимым треском ломающихся рёбер. Из рта первой на сегодня жертвы «Короля», струйкой цыкнула алая кровь. В самый первый прыжок и удар Юрка вложил слишком много праведной злости. Послышался глухой шлепок падения обмякшего безжизненного тела на землю. Этот траурный аккорд завершил в мгновение ока разыгравшуюся трагическую сцену небольшого одноактного драматического спектакля из жизни провинциальной воинской части стройбата. Однако это было всё, что сумел увидеть и услышать Володя во время последовавшей вслед за этим «дружеской беседы» «молодого» рядового – Юрки Королёва, со старослужащими однополчанами, состоящими в сержантских званиях.

Остальные участники действия не успели за это время сделать ни единого движения, продолжая стоять, как вкопанные. А затем в полутёмном сарае уже невозможно стало разобрать, кто, в каком месте помещения находится, и вообще, что происходит между дерущимися военнослужащими. С сухого земляного пола моментально стало подниматься вверх густое облако пыли, заволакивая всё большей пеленой и так-то полутёмный дровяной сарай. Узкие солнечные лучи, как ножом разрезающие полутьму сарая, раз за разом пересекались летящими телами в военной форме. Иногда в этих лучах проблёскивали ярко начищенные сапоги, непостижимой силой поднятые с земли и совершавшие, совместно с их обладателями, немислимый свободный полёт над полом сарая. Слышался хруст костей и характерный треск рвущейся от ударов человеческой плоти. Из пыльного облака доносились глухие звуки ударов чьими-то кулаками по человеческому телу, им тут же, как эхо, вторили вскрики боли, страха и отчаяния.

Спустя пару минут, к этой гамме звуков стали присоединяться громкие стоны и приглушенные звуки – шлепки падающих на землю безвольных людских тел. Ещё через минуту короткий миниатюрный спектакль был полностью завершён. На земляном полу сарая валялись четырнадцать искалеченных, жестоко избитых «стариков». Некоторые из пострадавших

неподвижно лежали в разнообразных причудливых позах, раскиданные по полу до самых стен. Другие оставались в сознании и со стенами ползали по утоптанной земле, совершенно отупев от боли и страха, полностью потеряв связь с действительностью и, на некоторое время, абсолютно утратив способность ориентироваться в пространстве. В завершение «беседы» Юрка лениво несильно, скорее назидательно для острастки, пнул сапогом пару извивающихся на земле «унтер-офицеров» и повернулся к Володе. Тот просто остолбенел от впечатляющих результатов увиденного молниеносного избиения Юркой более дюжины неформальных командиров части. Королёва искренне позабавило изумлённое выражение на лице Володи, застывшего у поленницы. Широко улыбнувшись, «Король» обнял его за плечи, слегка встряхнул, беззаботно залихватски сдвинул пилотку на затылок и весело произнёс: «Пошли, братан, больше тебя здесь никто никогда не тронет!». Ни у «молодого» рядового Володи, ни у тех старослужащих сержантов, которые после энергично проведённой с ними короткой «беседы» не потеряли ещё способности слышать и хоть немного соображать, не осталось в этом ни тени сомнения!

Все жертвы избиения «Короля» были срочно госпитализированы. Из-за тяжести травм, полученных от ударов стального кулака Юрки, каждый из «стариков» провел там не меньше месяца. В перечне увечий и серьёзных ушибов органов самыми лёгкими были сотрясения мозга и множественные переломы рёбер. У некоторых потерпевших оказались сломанными руки, а двоим, теперь уже экс-вершителям судеб «салаг», Королёв умудрился переломить ногу. Были и пострадавшие с повреждёнными лёгкими и отбитыми почками, в точности, как у Володи.

Однако все загипсованные и забинтованные, зверски избитые потерпевшие, были настолько запуганы и деморализованы бесстрашием, необузданной яростью и нечеловеческой силой обидчика, что даже пикнуть не посмели против «Короля». В одночасье он был признан ими полновластным хозяином – «паханом» части. Теперь они поняли, что с этого момента «дедовщина» в их части безвозвратно ушла в прошлое, а жить они будут по тюремным Юркиным законам, по которым и жили все стройбаты страны. А безраздельным хозяином, «паханом» части, в одночасье превратившейся в «зону», будет всё тот же «Король». Покалеченные сержанты в один голос уверяли командира части, специально посетившего госпиталь по поводу такого невиданного чрезвычайного происшествия, что все вместе, гурьбой, свалились с крутой каменной лестницы, на их несчастье находившейся на территории части.

Офицер особого отдела, опрашивавший «дружно упавших с лестницы «стариков»», для отчётности подробно записывал их объяснения, но при этом понимающе, ехидно ухмылялся. Уж ему-то было доподлинно известно имя злополучной «каменной лестницы», или точнее сказать – обладателя «каменного кулака», на который так неловко свалились больше дюжины самоуверенных, вконец обнаглевших от безнаказанности, «стариков». Однако он дословно записал детский лепет недавно таких бравых, а теперь основательно перетрусивших «унтер-офицеров», сделал вид, что безоговорочно поверил каждому слову их «брета сивой кобылы». Саркастически хмыкая и удивлённо мотая головой, «особист» покинул невезучих, физически искалеченных и морально уничтоженных недавних истинных властителей над «молодыми» солдатами части. Повреждения костей и внутренних органов нескольких «внезапно неловко упавших с лестницы» сержантов оказались настолько серьёзными, что после месячного лечения в госпитале их пришлось всё-таки комиссовать даже из стройбата. И это несмотря на то, что в это «воинское» подразделение брали с любыми отклонениями в здоровье и списывали на «гражданку» по его состоянию крайне неохотно, в исключительных случаях, разве что за пять минут до смерти!

Володя был сильным человеком, и случившееся тяжёлое событие не смогло психологически сломать его. В какой-то мере помог реабилитации быстрый, адекватный и победный ответ насильникам при помощи Юрки Королёва. Во всяком случае, не озлобился на весь мир, и мог рассказывать об этом печальном эпизоде своей армейской жизни с юмором. В продол-

жение рассказа об этой жутковатой истории меня обуревали смешанные чувства обыкновенного нормального человека: удовлетворение от торжества справедливости в Володином деле; и неприятное ощущение от бесчеловечности, зверской жестокости по отношению и к Володе, и к непутёвым «старикам» – сержантам. Яркая картина победы добра над злом так и не сложилась в моём воображении из-за отвратительных, уродливых форм борьбы между ними. И портрет героя Володиного рассказа – «Короля» не запечатлелся в моей душе светлым образом былинного богатыря, заступника слабых. Я был твёрдо убеждён в том, что торжество правды не может достигаться подобными изуверскими методами. Со слов Володи мне представлялось, что «Король» без труда мог просто избить сержантов. Но он их сознательно искалечил, переломал кости, отбил внутренности. Нет, «Король» из тюремной зоны, вызывавший восторг у Володи, не стал для меня образцом для подражания!

Между тем Володю стали определять в стройбате на должность.

По рассказу Володи, это происходило так. Вызвал пьяный офицер и задал вопрос:

– Факультет?

– Геологический.

Володя увидел, что дежурный офицер пишет в его анкете «биологический». Следующий вопрос:

– Курс?

– Первый.

Офицер замедленно понимающе кивнул и написал – «пятый!». Затем этот не вполне трезвый вершитель Володиной участи, долго всматривался в заполненную им же самим анкету, видимо наводя достаточную для прочтения букв резкость во взгляде, прочитал, что там написано, и радостно воскликнул: «О! Врач!».

Так Володя стал врачом стройбата, и пробыл на этой должности до конца службы. Спирт на протирку места укола новоявленный «эскулап» не тратил, потому что надо было по первому требованию снабжать «огненной водой» отцов – командиров, ставшего лучшим другом – Юрку Королёва с мгновенно образовавшейся вокруг него угодливой свитой, да и себя с товарищами – сослуживцами не обидеть! Кроме того, чтобы не напрягать личный состав, состоявший преимущественно из его бывших земляков из среднеазиатских республик, проблемами со снятием и одеванием одежды, наш «народный самородок – целитель» освоил метод постановки уколов и прививок солдатам из вверенных его «просвещённому врачебному искусству» подразделений, прямо через гимнастёрку! Что самое интересное, за всё время его «лечения», ни у кого из его пациентов, даже лёгкого гнойничка ни разу не образовалось. Да, видимо права народная мудрость, гласящая, что «солдаты не болеют»!

После окончания службы Володя восстановился в университет и был поселён в общежитие, в одну со мной комнату, Национальный состав комнаты получился разношёрстным. У Володи мать была узбечкой, отец – таджиком, хотя сам он внешне выглядел вылитым славянином с вполне европейскими чертами лица, с голубыми глазами и волосами цвета соломы. Этаким ладно скроенный блондин, любимец университетских девушек. Саша большой был украинцем, мы с Сашей маленьким – русскими. Ну да это сейчас разбирают всех по национальностям, в то время, нас эти вопросы не интересовали, и мы жили дружно. Напомню, шёл 1977 год. Нападки на украинца Сашу большого прекратились после того, как Володя узнал, что тот был в армии ефрейтором, получил всего одну «лычку», которую с него вскоре благополучно сняли за очередную провинность. В результате, Саша большой демобилизовался рядовым. Этим он окончательно ликвидировал Володино недоверие и неприязнь, отчасти – к украинцам – вообще и полностью – к Саше большому – в частности, и растопил первоначальный лёд в их отношениях. Так что атмосфера в нашей комнате в момент незатейливой студенческой пирушки была тёплой, я бы даже сказал – дружеской.

Стоял тёплый летний вечер, окна нашей небольшой комнатухи были открыты настежь, мы удобно расположились за столом, с нами – гитара, на которой понемногу бренчали я и Саша маленький. Петь же после очередной рюмашки, любили все присутствующие, даже (особенно) те, кто не умел – кому «медведь наступил на ухо». Пели-то ведь не голосом на конкурс, а душой от избытка чувств, для себя! Тем более что на столе стояли горячительные напитки в виде аппетитных запотевших гранёных стаканов с охлаждённой водкой, что не могло не поддерживать высокий эмоциональный тонус собравшихся. Застолье с самого начала обещало не разочаровать нас. Оживлённо шла весёлая беседа, вперемежку со студенческими и геологическими полевыми песнями. Спиртное естественно заканчивалось, мы, соответственно, регулярно его запасы пополняли из близлежащего, легендарного для студентов нескольких факультетов МГУ, винного магазина венгерских вин – «Балатона».

И надо же было такому случиться, только – только мы разгулялись, как у всех присутствующих опустели карманы! И вот так всегда: едва начинаешь хорошо жить, как заканчиваются деньги! Тут Володя вспомнил, что багаж его геологической партии будет отправлен в Таджикистан на платформе, и он, в принципе, может его сопровождать, тогда билет на самолёт ему будет не нужен, значит, у нас есть ещё деньги. Для продолжения веселья сумма набежала вполне достаточная.

Утром за мной зашла однокурсница Таня маленькая. Так условно её называли, потому что в посёлке Разведчиков в том сезоне работала ещё одна наша сокурсница, которую звали тоже Таней, но прибавляли определение – большая. Накануне я попросил Таню маленькую разбудить меня к рейсу. Невысокая хрупкая миниатюрная блондинка честно пыталась выполнить порученную ей, ответственную миссию. Если бы она вечером догадывалась о сложности возложенного на неё задания, она не дала бы опрометчивого обещания, более того, ни за какие коврижки не согласилась бы на этот подвиг! Но слово было дано, и Таня, как человек обязательный, приступила к его воплощению в жизнь. В процессе своего титанического труда, она широко использовала советы моего умудрённого жизненным опытом соседа Володи.

Таня была одета в длинный широкий сарафан на длинных легкомысленных тесёмочках, с глубоким декольте спереди и вырезом почти до пояса сзади. Светло-жёлтое с крупными неяркими цветами одеяние из лёгкой ткани, длинным шлейфом развевалось за девушкой, стремительно идущей в невесомых босоножках из двух перекрещивающихся полосок. Летящая походка добавляла ощущения бестелесного парения Тани маленькой над грешной землёй. Моя коллега была морально и физически готова к покорению знойной легендарной Средней Азии и в предвкушении невиданных приключений просто на крыльях летала. Экипировка из одного полувоздушного, чуть ли не до пояса открытого сарафана полностью соответствовала нахождению в засушливых жарких странах (как она наивная тогда в Москве считала!). Для окончательного завершения подготовки к интереснейшему путешествию и непосредственному перелёту до места практики, ей оставался суший пустык: разбудить меня, чтобы вместе сесть в самолёт.

Для реализации этого поручения Таня сначала попыталась использовать звуковой метод воздействия на спящего беспробудным сном человека. Несмотря на миниатюрность, она оказалась обладательницей очень сильного голоса, к тому же покрывающего несколько высоких октав. Постепенно повышая силу и высоту собственного крика до частоты ультразвука, сопоставимого со звуком турбины реактивного самолёта при максимальных оборотах, она добилась потрясающих результатов: проснулись все обитатели длинного пятиэтажного здания общежития..., кроме меня. Поскольку, по утверждению друзей, на моём безмятежном лице не дрогнул ни один мускул, она решила принять предложение Володи и применить ко мне водный метод пробудки.

Вылитый на мою голову чайник ледяной воды из-под крана изрядно намочил и охладил не только мою голову с густой шевелюрой, но и подушку до самого матраца. Впрочем, это был единственный эффект от применения новой методики! Тогда Таня маленькая принялась бес-

системно на ходу изобретать различные массажеподобные садистские процедуры. Сначала она изо всех сил трясла меня, потом стала с всё возрастающей силой, частотой и звонкостью похлопывать по щекам, стучать кулачками по груди, как по барабану. Наконец, она окончательно отчаялась вернуть меня к активной жизни в ближайшем будущем и безутешно заплакала.

Сквозь тяжёлый беспробудный сон я слышал её плач и посочувствовал ей, но помочь ничем не мог. Дело в том, что кроме выпитого в достаточном количестве спиртного, ещё и спал после окончания праздника только один час. А этого было явно недостаточно для маломальского отдыха моего утомлённого непосильным отдыхом организма. Таня маленькая обречённо стояла у изголовья моей общежитской, на века изготовленной кровати с панцирной сеткой и высоченными металлическими спинками. Безнадёжно опустив коротко стриженую головку с белёсыми волосами, бессильно повесив тонкие, как тростинки руки, покрытые чуть ли не прозрачной белой кожей, сквозь которую просвечивали синие сосуды, она негромко плакала. Из её голубых, почти бесцветных глаз, текли слёзы безысходности.

И тут в битву по моему подъёму включилась тяжёлая артиллерия – наш рассудительный «аксакал» Володя. Он искренне пожалел несчастную Таню, восхитился её ответственностью за данное обещание, сильно зауважал её за настырность в выполнении данного мне слова и, наконец, решил заодно всерьёз помочь и мне. Он подошёл к моей кровати, рывком поставил на ноги и твёрдо отчеканил приказ: «Надо ехать в аэропорт! Самолёт ждать не будет!». Я встрепнулся, подтянулся и ответил, ещё не открывая глаз, но сразу, как будто и не спал: «Не могу, мне надо сдать бельё кастелянше».

– «Сдам я! Езжай!».

Я согласно заторможено кивнул тяжелой чугунной, вдруг загудевшей, как котёл головой и медленно, как гоголевский Вий, слегка размежил неподъёмные свинцовые веки. Ещё несколько секунд ушло на наведение резкости во взгляде на Володю, потом начал поворачивать голову до тех пор, пока не увидел сам надоедливый раздражающий источник беспокойства, так мешавший последние полчаса моему богатырскому сну – Таню маленькую. Весьма неодобрительно посмотрел на неё, потом постепенно осознал причину её стараний, простил, затем оценил верность данному мне слову, в душе одобрил её действия и постановил незамедлительно помочь ей. Решительно взял девушку за руку и произнёс: «Пойдём быстрее, опаздываем!». Таня, потеряв дар речи от такого резкого изменения моего доселе бессознательного состояния, безропотно побежала рядом.

Ей пришлось двигаться вприпрыжку, так как я окончательно проснулся и пошёл как обычно, а хожу очень быстро, поэтому идти рядом со мной своим шагом невысокая Таня просто не могла успеть. И только когда мы вышли из здания общежития, она вдруг вскрикнула: «Ты оставил свой рюкзак!». Не останавливаясь, не снижая скорости, произнёс: «Не вопрос!», – и потащил её вокруг здания к открытому окну своей комнаты. Крикнул Володе про забытый рюкзак, и тот без промедления, не глядя, выбросил мне его из окна второго этажа. И хотя поклажа состояла почти полностью из сменной одежды, всё-таки хорошо, что тук приличного веса не попал в нас с Таней! Эта мысль промелькнула вскользь, не вызвав никаких эмоций. Одной рукой тянул за собой Таню, – другой накиннул на плечо лямку рюкзака, и после этого, уже без приключений, мы добрались до аэропорта Внуково. Впритык по времени успели к своему рейсу, в последних рядах прошли регистрацию и полетели в Душанбе.

За время полёта, вся газированная вода, разносимая стюардессой, положенная и мне, и сидевшей в соседнем кресле Тане маленькой была проглочена мной, без малейшего возражения со стороны соседки, догадывавшейся, каково мне сейчас!

Во время полёта она сказала: «Знаешь, сегодня в учебную часть деканата пришло сообщение о гибели нашего однокурсника Виктора. Его придавило где-то в сибирской тайге неудачно спиленной им самим огромной елью. Он просто побежал от неё по направлению падения». Таня назвала фамилию – Волынский, и я вспомнил этого нескладного домашнего

московского еврейского мальчика с чёрными, как смоль курчавыми волосами, в больших роговых очках и с постоянной виноватой улыбкой на круглом полудетском лице. Над ним постоянно подшучивали на курсе. Я не очень представлял себе, как он будет выглядеть, и что будет делать в полевой партии, где и условия жизни, и люди значительно грубее и жёстче, чем в Москве, тем более, в его образованной семье. Но, конечно, не ожидал, что это несоответствие закончится такой быстрой трагической развязкой.

Деревом его придавило или его очки, лицо и волосы не понравились какому-нибудь пьяному бичу – не знаю, да и никто никогда не узнает. Местным властям и деканату была представлена официальная версия гибели Виктора, в которой он и был объявлен виновником несчастного случая. Если же это было не так, то вершится суд над истинным убийцей и выносится приговор ему в тайге без участия официальных властей по своим неписанным таёжным законам, «суровым, но справедливым» – как утверждают сами местные жители.

Мне было жаль Витю, но ухудшить моего теперешнего физического состояния это трагическое известие всё-таки не могло, потому что хуже было уже некуда. Огорчение, как вода сквозь еле заметную щель в металле, проникло куда-то глубоко внутрь моего сознания. Там оно затаилось в виде разъедающей ржавчины, ожидая лучших времён, когда владелец души будет в состоянии достаточно эмоционально воспринять эту новость и адекватно отреагировать на неё.

Сознанию нужно, чтобы я посочувствовал несчастливому сокурснику, так рано и нелепо прервавшему свой путь на этом свете, пожалел его молодую непрожитую жизнь, в общем, расстроился, как следует. Надо сказать, что мой холодный расчётливый, прокурорский разум никогда не щадил мягкую, гораздо более чувствительную душу. Наверное, это необходимо, чтобы душа выстояла в нашем беспощадном мире. Но всё равно, считаю своё сознание очень жёстким, иногда и жестоким по отношению ко мне, можно было относиться и мягче, снисходительнее к душе, когда-то может быть и пощадить её. Всё-таки обе эти эфемерные материи находятся в одном теле, можно сказать являются самыми близкими родственниками!

Через два с лишним часа приземлились в аэропорту Душанбе, тогда ещё столицы Советской Социалистической Республики Таджикистан. Впрочем, от социализма там было преимущественно название, и в то время, да и, наверное, никогда, советской власти в полном объёме, в нашем понимании социалистического народного хозяйства, производственных отношений, всего образа жизни – там не было.

В течение всего времени пребывания в Таджикистане ловил себя на мысли, что нахожусь не совсем в СССР, да вроде и не за рубежом, а в какой-то новой, ни в одной энциклопедии, не описанной общности людей. И вполне вероятно, что смогу принять душой этот неизвестный меняющейся мир людей. Мне нетрудно будет полюбить эту дикую природу жаркой страны, расположенной: между крутыми высокими горными хребтами и в долинах бурных горных рек с ледяной водой, на безводных почти безжизненных, выжженных солнцем землях и в цветущих оазисах. Возможно, приму и своеобразную жизнь местных обитателей, но никогда не сумею до конца познать, понять и стать для этого мира своим. Здесь я буду всегда пришлым чужаком. Может быть, для кого-то и дорогим, и желанным, но всё равно чужестранным гостем.

В аэропорту Душанбе, едва шагнув на выходной трап, всей кожей почувствовал горячий сухой воздух, с головы до ног обдавший меня душной знойной волной. Жар излучало и раскалённое бетонное покрытие аэродрома, и здание аэровокзала. Раскалённый воздух с лёгким запахом битума дрожащими знойными волнами, искривляющими для глаз видимое пространство, поднимался и от площадки с недавно уложенным асфальтом перед аэровокзалом. Все каменные сооружения здесь добавляли перегретого воздуха и без того невыносимо душной для европейца атмосфере таджикской столицы. Город Душанбе в этот приезд я плохо рассмотрел, так как мне было не совсем до него, или лучше сказать, совсем не до него! В посёлок Разведчиков, к месту, своей трудовой деятельности, мы поехали на небольшом грязном и снаружи и

изнутри автобуса марки ГАЗ, с длинным «носом». Эти автобусы в России уже практически не использовались, однако это было не единственное их отличие.

Как только автобус заполнился грязными мешками и не очень чистыми аборигенами – исключительно мужчинами, стали ярко видны и другие отличия! Во-первых, дышать стало просто нечем, дезодорант бы здесь явно не помешал. Во-вторых, почти все пассажиры жевали смесь, называемую местными жителями – «насвай», или «нос» состоящую из смеси птичьих экскрементов, гашеной извести и табака. Делали они это с таким удовольствием, что, видимо, им была вкусна эта отравка, правда, сам я её не пробовал, и даже желания пожевать эту дрянь не возникло. «Насвай» при жевании выделял никотин, который поступал в кровь человека, то есть, практически являлся традиционным местным видом курения. Только никотин поступал в кровь не через лёгкие, а через слизистую оболочку ротовой полости и носоглотки.

В-третьих, многие вместо «насвая» – курили обыкновенные сигареты и самокрутки из крепкой махорки. В результате всего этого в автобусе, несмотря на движение и открытые окна, дышать было нечем не только из-за непередаваемой смеси «ароматов», но ещё и просто из-за острой нехватки кислорода в воздухе. В-четвёртых, некоторые курили, судя по запаху, явно не табак, может быть марихуану или гашиш, или ещё что-нибудь подобное, не знаю, в этих вопросах не специалист. В-пятых, температура в тени была +50 градусов, на солнце – гораздо больше, а в разогретом автобусе при парниковом эффекте – было просто невыносимо жарко и душно. Случайно дотронувшись до металлического корпуса, нашего «железного коня», я чуть не обжёгся и быстро отдернул руку – на нём, как на достаточно хорошо разогретой сковородке, смело можно было жарить яичницу! Эта непринуждённая обстановка привела к тому, что полтора часа в пути показались мне вечностью, а вылез из автобуса хоть и едва живым, но уж, безусловно, абсолютно излечившимся от тяжёлого похмелья.

2. Посёлок Разведчиков

Наконец, едва живые, прибыли к своему конечному пункту назначения. Измятый, пропылённый, с какими-то грязными липкими пятнами и разводами сарафан Тани маленькой представлял собой весьма жалкое зрелище. Да и его счастливая обладательница со включенными волосами и устремившимися из орбит глазами с одичавшим взглядом – наглядно отражала трудность проделанного нами пути. Думаю, что я выглядел ещё хуже, слава богу, что себя не видел. Радость ожидания встречи с незнакомой южной среднеазиатской страной оказалась значительно радужнее ощущений от первого реального знакомства с ней.

Таня маленькая с потухшим взглядом и взъерошенный, мокрый, как мышь ваш покорный слуга, изрядно потрёпанные и ошалевшие от духоты и зноя, предстали пред очами своего университетского начальника – Ростислава Михайловича, в дружеских кругах именуемого просто – «Рост». Это был худощавый человек среднего роста, лет тридцати, спокойный, мягкий, эрудированный, благожелательный и приятный собеседник. При ходьбе он немного сутулился, но это нисколько не портило его не только в глазах мужчин, но и женщин, среди которых он пользовался большим успехом. Окружающих тянуло к нему, как магнитом, Кудасов не зря подал заявку на студентов для сезонной работы в своей партии именно ему. Одевался Ростислав Михайлович скромно, но вполне современно, а по тем временам и модно: светлая рубашка, импортный фирменный синий джинсовый костюм.

Встретились и с нашими непосредственными руководителями из университета – Ниной и Еленой. Аспирантка Нина работала на кафедре, чтобы было больше времени для написания диссертации. Она не ходила, порхала над грешной землёй! Ей было всего двадцать семь лет. Это была высокая, стройная, спортивная и подтянутая молодая девушка, с пружинистой походкой, прямой спиной и гордо поднятой головой на высокой красивой шее. Именно про таких говорят: «Проглотила линейку!». Нина обладала хорошим чувством юмора, ценила его в других людях. На её лице частенько сияла ослепительная белозубая улыбка. Одевалась Нина здесь в лёгкие яркие, довольно открытые летние платья. Русоволосая, сероглазая, с румянцем во всю щёку, она каждый день смотрелась эффектно, празднично и была вполне довольна собой и жизнью. Молодую свежую красоту её одухотворенного лица, «измученного интеллектом», почти не портили даже близко посаженные глаза. Молодая энергичная аспирантка была олицетворением оптимистичного лозунга: «Жизнь удалась!».

Полный антипод ей являла собой Елена. Та была худенькой женщиной небольшого роста, казавшегося ещё меньшим из-за постоянного сгорбленного, пригибания к земле, съедания до возможно меньших размеров. Делала она это, видимо, чтобы замаскироваться от врагов, из которых, собственно, и состоял весь окружающий её мир. Хотя, на мой взгляд, её и без маскировки трудно было заметить! Елене исполнилось только ещё сорок лет, но у неё уже были испещрены ранними морщинами лицо и руки. Короткие редкие тёмные волосы всегда имели неряшливый, засаленный и растрёпанный вид, даже сразу после душа. Она часто их причёсывала, но тогда они начинали выглядеть прилизанными, что ничуть не улучшало впечатления от её внешности. Глаза Елены, тем более их цвет, трудно было рассмотреть под огромными очками в роговой оправе с сильными линзами, комично смотревшимися на маленьком сморщенном личике. Одета в глухие брючные костюмы тёмно-серого, мышиного цвета в духоте среднеазиатского лета, Елена сразу бросалась всем в глаза, хотя стремилась как раз к обратному результату.

Долгие годы работая на одной из кафедр геологического факультета, стараясь и одеждой и поведением быть почти невидимой, Елена настолько преуспела в этом, что со временем превратилась в большую пугливую безобидную и безотказную мышь, которую, правда, без дела никто и не трогал. А зачастую её просто никто не замечал. Всем своим видом она взывала к

жалости, пощаде и снисхождению. Елена была почти точной копией Акакия Акакиевича из повести Николая Васильевича Гоголя – «Шинель», только в женском облике и перенесённой в советское время.

Познакомились с местным начальником гидрогеологической партии Валерием Валерьяновичем Кудасовым, в партии которого должны были отработать сезон. В дружеских кругах его именовали просто Валерой. Он просил называть его так, чтобы подчеркнуть его простоту и дружелюбность в общении с людьми. Кудасов прислал заявку на студентов из личных дружеских отношений с «Ростом». Среднего роста коренастый загорелый крепыш лет сорока с волевым лицом (бывший мастер спорта по боксу в среднем весе), властным голосом и обаятельнейшей белозубой улыбкой во весь рот, он сразу вызывал симпатию у собеседника.

Однако, несмотря на обращение к нему на «ты» по имени, невзирая на его открытость и приветливость во взаимоотношениях с окружающими, Валерий Валерьянович сразу устанавливал некоторую грань, через которую переходить, никому не было позволено. Кудасов с первой минуты знакомства ясно давал понять новичкам – кто здесь хозяин. Да и перед старыми знакомыми, ни при каких обстоятельствах не расслаблялся. В случае необходимости он довольно бесперемонно, иногда с долей издевательского сарказма в словах и тоне одёргивал зарвавшихся людей, случайно или забывшись в душевной беседе, сокративших дистанцию с ним. И уж тем более, последнее слово всегда оставалось за ним в любом споре, независимо от того, был ли этот диспут деловым или дружеским.

Кудасов давно обосновался в Средней Азии и чувствовал себя в местном обществе, как рыба в воде. Он досконально знал все неписанные местные законы, легко и с огромной пользой для себя играл по местным правилам. Однако и в общении с властью имущими чиновниками Таджикистана и других среднеазиатских республик, Валерий Валерьянович строго следил за соблюдением дистанции, ревниво оберегая своё личное пространство и степень уважения к себе высокопоставленных собеседников. Кроме того, он неукоснительно придерживался подчеркнута европейского стиля в одежде и форме поведения с кем бы то ни было, никогда не снисходя до местной тюбетейки или халата. Это был один из его способов подчеркнуть разницу с местными жителями и утвердить дистанцию с ними.

Здесь же мы встретились с одноклассниками, Таней большой и Лёшей. Не худенькая, я бы сказал – средней полноты молодая девушка Таня большая, была брюнеткой, чуть выше среднего роста с ослепительно – молочно-белой кожей и светло-зелёными глазами. Как ни странно, при такой светлой коже она прекрасно чувствовала себя под палящим среднеазиатским солнцем. Видимо сказывалась привычка к жаре. Дело в том, что Таня большая родилась и выросла в южной солнечной Одессе. Единственным неперемнным условием её существования здесь было то, что она постоянно должна была закрывать кожу от прямых солнечных лучей какой-нибудь светлой непрозрачной одеждой. Хотя здесь это и не смотрелось таким уж необычным. Местные таджикские мужчины (иногда и женщины, но их вообще мало было на улицах), особенно старшего возраста, вообще ходили в длинных стёганных наглухо закрытых ватных халатах, видимо, для поддержания определённой температуры и влажности между одеждой и поверхностью тела.

Мой товарищ, студент Лёша был среднего роста коренастым крепким кареглазым парнем, фигурой похожим на Кудасова. Время от времени на его лице проступали веснушки «рязанского парня», хотя он был родом из Воронежа. Лёша редко обгорал на солнце. Одевался он просто: в светлую рубашку с коротким рукавом и тёмные брюки. Лёша был спокойным, уверенным, основательным, иногда даже жёстким человеком. Мы с ним представляли разительный контраст, как внешне, так и внутренне. Я, напротив, имел худощавое телосложение, был чуть выше среднего роста, с зеленоватыми глазами и светлой, постоянно обгорающей на солнце кожей. Мой неуравновешенный, взрывной, порывистый и в то же время мягкий характер являл собой полную противоположность сдержанному, рассудительному и твёрдому – Лёшину.

Я не мог отказать себе в желании носить что-нибудь из местной одежды. К обычным серым тонким отечественным джинсам добавил синтетическую цветную рубашку, раскрашенную многочисленными узкими вертикальными полосками различной ширины преимущественно голубого, зелёного и чёрного цвета. Хотя в небольших количествах в этом наряде легко можно было отыскать узенькие полоски ткани абсолютно всех цветов радуги. Только тубетейку носить не стал. Но и без неё, вид этой кричаще-пёстрой таджикской рубашки, вызывал у Лёши неизменную улыбку и недоумение (как ты носишь синтетику в такую жару!?). Но, как говорит пословица: «Охота, пуще неволи!», – мне в Средней Азии доставляло удовольствие носить именно эту рубашку. Ради этого смирялся с неудобством раскалённого синтетического материала на своём теле. Впрочем, эти различия не мешали, а скорее наоборот – способствовали нашему общению, со временем перешедшему в дружбу. Вот в этом небольшом коллективе мне и предстояло жить и работать в течение того полевого сезона.

Как показала дальнейшая жизнь, с Таней большой нам предстояло провести не только эту, но и последующую производственную практику на Подкаменной Тунгуске, а с Лёшей судьба сводила неоднократно уже после окончания университета. Таня большая с Лёшей сразу сказали, что рады моему прибытию, а «Рост» сообщил, что также рад меня видеть, несмотря на то, что я «раздолбай» и опоздал на два дня из-за несвоевременной сдачи экзаменационной сессии. Впрочем, уверенно добавил он, я ни минуты не сомневался, в том, что ты её сдашь без «хвостов».

Вся наша партия обитала в белом одноэтажном, длинном общежитии. Здание представляло собой большую глинобитную мазанку, каких в здешних посёлках видимо – невидимо, разве что размерами они поменьше. Посередине дома располагался широкий прямой коридор, по обеим сторонам которого находились двери в довольно большие комнаты. Обычная планировка общежития. В одной из этих комнат поселились и мы с Лёшей. Располагалось наше новое жилище прямо на берегу быстрого прохладного арыка, текущего с окрестных гор. Причём, наши с Лёшей окна выходили прямо на него, и звук протекающей журчащей воды всегда радовал и успокаивал меня. Не менее умиротворяюще действовало и звучное пение сверчков, без усталости, самозабвенно трудившихся до самого утра. В нашей комнате и расположилась вся компания с двадцатилитровой бутылкой местного красного сухого вина, из которой каждый желающий, неспешно наливал себе в пиалу и лениво, время от времени отхлёбывал, не прекращая игры в преферанс.

Мне предложили и преферанс, и вино. От игры я отказался, предпочтя роль стороннего наблюдателя. Мне не хотелось даже мало-мальски «морщить мозг» во всё ещё болезненно гудевшей голове. Да и вина налил себе всего одну пиалу (правда она была объёмом минимум в поллитра) и потихоньку попивал из неё в течение вечера. Даже на лёгкие спиртные напитки, у меня уже не было здоровья.

Утром, как и в каждый последующий день, разбудило яркое, светящее в окно солнце. Какая всё-таки это прекрасная вещь – солнце. Как оно поднимает настроение, даёт заряд энергии, бодрости. Просто жить хочется! Правда, как выяснилось потом, всё хорошо в меру. Итак, куда же я попал? Наш арык представлял собой правый приток довольно мощной, горной реки с ледяной водой – Кафернигана. Этот быстрый ручей впадал в большой пруд, искусственно созданный специально возведённой плотиной. Из пруда по трубе вытекал поток во второй – образованный такой же плотиной, далее – в третий, и только вытекавший из него водоток с уже нагретой тёплой водой преодолевал оставшиеся метров четыреста до самого Кафернигана. В долине этой реки и её притока и располагался посёлок. Искусственно созданный жителями каскад прудов в невыносимом среднеазиатском пекле давал жизнь всей пышной растительности, в которой утопал посёлок Разведчиков. Арык с системой прудов, расположенный прямо в центре посёлка, превратил селение в пышный зелёный оазис. Посёлок Разведчиков вызывающе красиво раскинулся среди окружавшей посёлок, выжженной палящим солнцем, безжиз-

ненной растрескавшейся земли с редкой чахлой пожухлой от зноя, сухости и безводья травой и колючками.

Селение состояло из одноэтажных кирпичных и деревянных зданий. Но большая часть домов (как и наше общежитие), была сооружена из самодельных глиняных кирпичей слеplенных с примесью какой-то травы и кизяка (сухого навоза). Построенное жилище покрывали плетёной сетью из лиан и лык, обмазанных глиной и побеленных известью до ослепительно белого при ярком солнечном освещении цвета. Эти приземистые дома с большими подвалами и маленькими окнами, называемые мазанками, несмотря на меньшую прочность, лучше всего защищали от зноя и ветра в местных условиях и издревле использовались на этой земле. Каждый из домов был окружён садами, и в результате весь посёлок утопал в зелени, представляя собой оазис в полупустынной местности. У нас, в средней полосе России, обилием зелени никого не удивишь. Однако здесь, среди выжженной земли, цена деревьев и образуемой ими тени, а также кустарников и травы – совершенно иная.

На центральной площади посёлка была расположена шашлычная, в которой повар, называемый местными жителями «Ашуром», готовил недорогие, вкусные шашлыки из говядины, фарша, курицы и других сортов мяса, а также из овощей. Кроме того, он готовил бесподобный плов, шурпу, лагман и другие среднеазиатские блюда. Загорелое даже для таджика лицо Ашура с горящими глазами под густыми мохнатыми бровями, всегда неожиданно выныривало из полумрака шашлычной. Он молча принимал заказ, и также неожиданно исчезал в глубине своего заведения, колдовать над мангалом с шашлыками, большим чёрным закопчённым котлом с пловом и рядом кастрюль и котлов поменьше.

В полутьме, освещённой тусклым светом раскалённых углей, мелькал только его белый халат с поварским колпаком. Через некоторое время у окошка выдачи появлялись две могучие волосатые руки с заказанными блюдами, вслед за которыми выныривали и горящие шайтанские глаза Ашура под метёлками иссиня-чёрных бровей (было в его облике и взгляде что-то потустороннее, дьявольское). Он быстро безмолвно принимал оплату и отсчитывал до копейки сдачу. Для Средней Азии это было удивительно и вызывало невольное уважение к Ашуру. За всё время обитания в посёлке, я услышал от него считанное количество слов. А ведь мы посещали его шашлычную ежедневно.

Вместо хлеба, во всём Таджикистане (а также Узбекистане и Туркмении) выпекали лепёшки, способов приготовления и видов которых, насчитывались десятки, но все они были объединены одним свойством – были очень вкусными.

Рядом с шашлычной располагалась чайхана, впрочем, как и во всех уважающих себя, городах и посёлках Средней Азии. Это было единственное двухэтажное здание во всём посёлке. Крыша чайханы была застеклена праздничной причудливой мозаикой из разноцветных стёкол, набранной в виде замысловатого восточного орнамента. На втором этаже в центре большого зала стояли обычные европейские столы со стульями. Вдоль стен располагались достарханы – невысокие дощатые помосты, на которых была постелена курпача – тонкий матрас, а вдоль его перил с трёх сторон лежали подушки. Сами белые стены были расписаны цветными восточными орнаментами. Для нас это было настоящей восточной экзотикой!

Столы почти всегда были свободны, а большая часть достарханов – занята местными жителями. Многие из аборигенов проводили там по полдню и больше, играя в какие-то свои игры длинными картами и в огромном количестве поглощая зелёный чай вприкуску с мучными конфетами – подушечками. Время было советское, и нам было непонятно, где и когда эти люди работали, а если – нигде и никогда, то откуда брали деньги на содержание своих огромных (по российским меркам) многодетных семей!? Но ответы на эти вопросы мы получили намного позже от одного из знакомых Кудасова – таджика Рашида, да и то, совершенно случайно.

Девушки не решились на подобную вольность (может быть, не было желания), а мы с Лёшей с огромным удовольствием залегли на достархан, чтобы попить чаю как настоящие аборигены.

ригены. Через полчаса решили, что выйдем на достархане также свободно и естественно, как местные жители. Но Тани не преминули немного ехидно заметить нам, что смотрелись мы скованно и смешно, хотя полулежали в тех же позах, что и местные таджики. Чего-то нам всё-таки не хватало, да и, наверное, никогда не хватит для того, чтобы, выйдя на достархане, как восточные жители.

Невысокий, весь какой-то округлый лицом и телом, седой улыбчивый, шустрый чайханщик в не очень свежем белом халате без колпака, тут же подбежал к нам, предложив чай. Мы заказали – зелёный, хотя ни до этого, ни после – я его не пил, за исключением нескольких единичных случаев в Одессе, когда попал там, в подобную, невыносимую жару. Обычно мы брали два, средних размеров, чайника. При первом появлении чайханщик спросил: «Уважаемые! Не студентами ли вы будете? Прямо из Москвы к нам?». Получив утвердительный ответ, он загадочно улыбнулся: «У меня для вас есть сюрприз!», – и удалился. Буквально через две – три минуты принёс нам два чайника зелёного чая и две горсти конфет. В одной – у него были обычные разноцветные и белые подушечки из муки, сахара и ванили, а вот в другой...! Широко радушно улыбаясь и подмигивая, чайханщик торжественно провозгласил: «Я принёс специально ваших конфет!». Этим редким деликатесом оказалась затвердевшая до прочности камня карамель в бумажных фантиках, на которых было написано – «студенческая».

Разгрызть эти конфеты было невозможно, удалось только слегка поцарапать и впоследствии мы либо размачивали их в пиале с чаем, либо незаметно, чтобы не обидеть чайханщика, рассовывали по карманам и уносили домой, где складывали «про запас». Но чайханщик так старался, на его лице была такая счастливая и радужная улыбка, что устоять было невозможно. Мы слёзно поблагодарили его, утверждая, что всю жизнь, по крайней мере, с первого курса, став студентами, мечтали погрызть эту подлинно студенческую карамель, и наконец-то, благодаря нашему дорогому чайханщику, эта мечта сбылась! Чайханщик расплылся в ещё более широкой улыбке. Он был рад, что угодил русским студентам, и, с чувством выполненного долга, удалился. Как точно сказал ещё в прошлом веке великий русский поэт Есенин в своих «персидских мотивах»: «Сам чайханщик с круглыми плечами, чтоб славилась пред русским чайхана, угощал меня горячим чаем, вместо русской водки и вина». Ничего с тех пор не изменилось!

Проживая постоянно в посёлке Разведчиков, мы каждый день обедали в шашлычной, а потом обязательно залегали на достархан. Старались научиться расслабляться и вести себя на этом деревянном помосте так же естественно, как и остальные посетители. Не знаю, как это выглядело со стороны, но мы с Лёшей со временем стали чувствовать себя в чайхане комфортно. Аборигены перестали коситься в нашу сторону, может быть, просто привыкли к нашему ежедневному появлению. Там под ровный гул громадных трёхлопастных вентиляторов на потолке, выпивали два – три чайника зелёного чая, с мучными подушечками и карамелью «студенческой», пока она, к нашей великой радости не закончилась в закромах у дорогого чайханщика!

3. Гюрзёнок

Как-то августовским вечером, выйдя к арыку, я заметил у соседнего дома человека с неестественно разноцветным: жёлтым, синим, красным и их переходами лицом и перевязанной рукой, который медленно с трудом, придерживаясь руками за забор, вышел из калитки и тут же тяжело плюхнулся на скамейку. Он весь вечер просидел у журчащего арыка, после чего так же неуверенно передвигаясь, вернулся в дом. В последующие дни каждый вечер видел его на скамейке у арыка, куда наш сосед выбирался после захода солнца подышать свежим воздухом. Он вызвал у меня интерес и однажды я спросил у начальника местной партии – Валеры: «Чем болен этот человек? Вроде – молодой парень, а уже, сколько дней еле ходит и, похоже, не думает в скором времени выздоравливать. Избили его что ли? Или попал в аварию? А может быть у него какая-нибудь местная лихорадка?». Валера рассмеялся: «Ну, можно сказать, что избили!», – и рассказал такую историю.

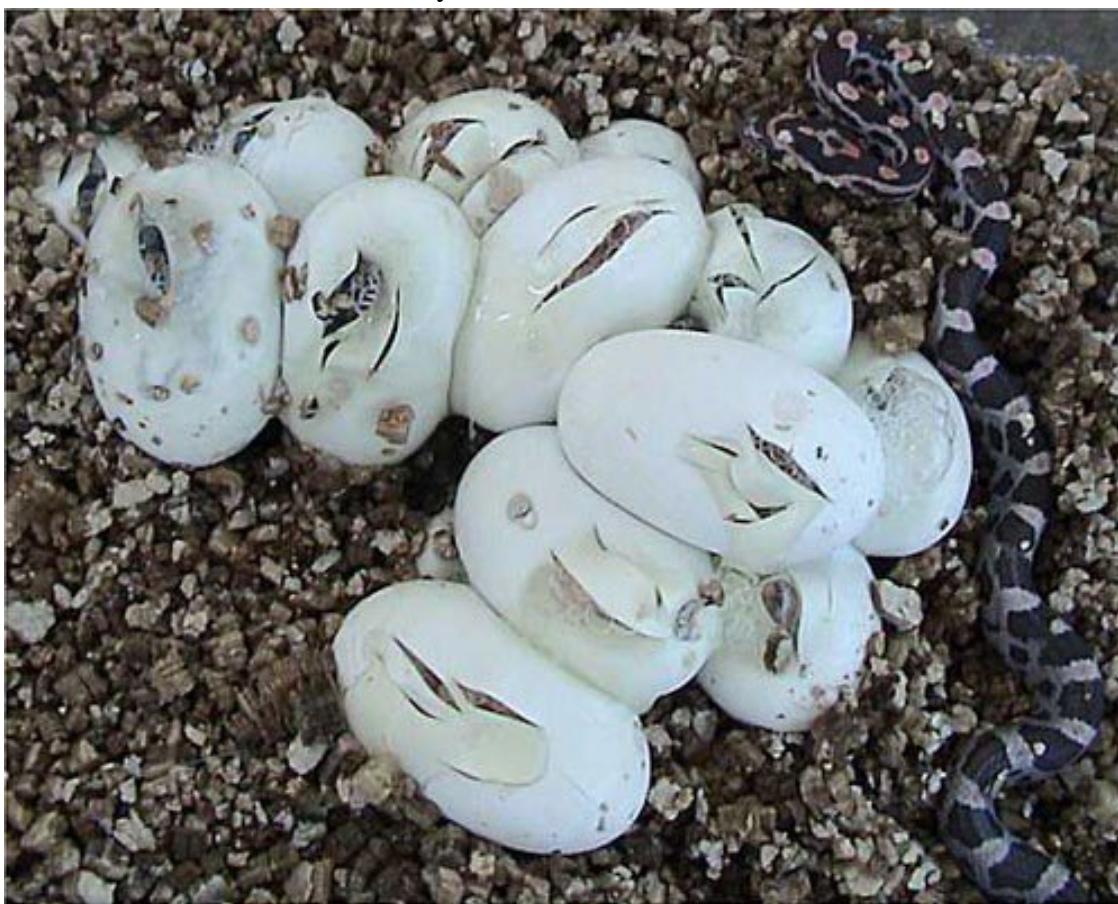
Нашим соседом был русский парень лет двадцати пяти. Был он человеком задиристым, особенно после употребления спиртных напитков. Да и без них никогда не упускал возможности ввязаться в ссору. Однажды пошёл погулять в сторону предгорий. А надо сказать, что в Средней Азии во все времена обитало очень много ядовитых змей: и по количеству видов, и по общей численности. Нам, сотрудникам партии, показывали цветные картинки этих «гадов ползучих», чтобы мы могли определить: какая из гадюк нас ужалила. Дело в том, что во время нашего пребывания там, в СССР уже существовали специально изготовленные сыворотки против укусов наиболее ядовитых и распространённых в здешних местах змей. Они выпускались под названиями: «антикобра», «антигюрза», «антиэфа» – применявшиеся соответственно после укуса кобры гюрзы и эфы.

Вводить их можно было только против яда точно определённой змеи, так как яды разных видов змей сильно отличались друг от друга по составу, способу воздействия на человека и свойствам. Если человек правильно определил, чьей именно жертвой из этой «великолепной троицы» стал, и ему своевременно ввели соответствующее противоядие, то он почти на 100 % выживал. Ещё была усреднённая сыворотка на все случаи жизни, от укусов всех видов змей. Она применялась в том случае, если человек не знал точно название укусившей его твари. Но действие этой сыворотки было на порядок слабее и здесь уже выжить было сложнее, в такой ситуации уж кому как повезёт!²

² По статистике у нас в стране умирают только 10 % от общего числа укушенных ядовитыми змеями. Однако процент легальности среди пострадавших от укуса кобры и гюрзы (число официально зарегистрированных смертельных исходов от яда эфы в СССР незначительно, хотя в Африке их больше, чем от укуса всех остальных ядовитых змей вместе взятых!), был значительно выше и достигал 20. Не говоря о том, что и 10 % – совсем немало, особенно, если тыходишь в это число! Всё зависело от сочетания нескольких условий: правильности определения вида ядовитой гадины, быстроты введения сыворотки против её яда, размеров змеи, степени токсичности и количества её яда. Например, яд эфы втрое токсичнее яда кобры, но при укусе она выпускает его в двадцать раз меньше. Имело значение и время года неприятного происшествия: весной яды змей значительно токсичнее, во всяком случае, в пределах бывшего СССР, да и на территории всего Северного полушария Земли. Немаловажным фактором для степени отравления организма было и общее физическое состояние данного укушенного человека, и сила его иммунитета и место укуса на теле: чем ближе к голове укусила змея, тем меньше у человека (и животного) шансов выжить. Если сыворотка была введена не сразу после укуса, то важными становились и предварительные принятые защитные меры, например: выдавливание яда из ранок или, ещё эффективнее, отсасывание его (правда, в этом случае необходимо, чтобы у оказывающего такую помощь человека не было повреждений слизистой оболочки рта, иначе он сам будет отравлен). Но эта мера действенна только в течение нескольких секунд с момента попадания яда в ранку, иными словами, результат будет только в том случае, если делать это мгновенно. Иногда применяют прижигание места укуса, правда, разрушая яд одних видов змей, этот способ защиты усиливает токсичность – других! И самое главное состоит в том, что длина ядовитых зубов гадюк около 1 см. То есть яд впрыскивается именно на эту глубину, достать до которой никакими прижиганиями нельзя. Вреда от такого способа защиты от яда на порядок больше, чем пользы, да ещё сомнительной. Конечно, в каждом конкретном случае действовать нужно было по обстановке. Конечный результат напрямую зависел и от своевременности (быстроты) принятия всех этих мер. Если же человек был укушен коброй или гюрзой, да ещё крупной, то результат будет однозначным – его вынесут ногами вперёд! Пожалуй, этот список можно было бы дополнить щитомордником – гремучей змеей. «Гремучей»

Во время показа цветных иллюстраций этих ядовитых змей, нам сказали, что в партии должны быть сыворотки против их укусов. Однако было с сожалением отмечено, что противоядий в нашу гидрогеологическую партию не поставлено. Правда, докладчик тут же сообщил, что они должны быть (если не закончатся к моменту срочной востребованности!) в местном медпункте, до которого от предгорий, где водилось большинство видов гадюк, было приблизительно три – четыре километра. Не так уж и далеко, особенно если быстро побежать, что должно получиться, если захочешь жить! А лучше всего, как нам посоветовали, не позволять себя кусать ни одной, никакой змее, независимо: ни от её вида, ни от степени знакомства с ней! Вот об этом была сделана запись в инструкции по технике безопасности, где все мы расписались, и после чего, безусловно, почувствовали себя значительно более защищёнными.

Итак, так что же произошло с нашим героем? Подходя к горам, он заметил маленькую тоненькую змейку двадцати – двадцати пяти сантиметровой длины, которая время от времени выглядывала из какого-то укрытия. Это был гюрзёнок, уже «проклюнувший» кожаный чехол своего яйца, но ещё не вылезший оттуда.³

Змеёныши гюрзы, «проклюнувшиеся» из отложенных яиц.

Увидев такого большого зверя, как человек, гюрзёнок начал метаться, пытаясь выбраться из своей родовой «ловушки» и где-нибудь укрыться от него. Но не таков был «царь природы»,

назвали потому, что на хвосте у неё располагаются окостеневшие хитиновые пластинки, постукивая, которыми друг о друга, эта змея угрожает противнику. Водились в Средней Азии и другие виды гадюк, некоторые из которых были не менее ядовитыми и опасными, чем вышеупомянутые, но встречались гораздо реже, поэтому о них нам упомянули вскользь.

³ В апреле – мае у гюрзы происходит спаривание, и ранней осенью появляются на свет молодые змейки. Однако появление их происходит различным путем. На большей части ареала гюрза рождает живых детенышей, но в Средней Азии она откладывает яйца. Отложенные яйца покрыты тонкой, полупрозрачной оболочкой и содержат довольно развитые зародыши. Поэтому при обычных условиях срок их инкубации менее 40 дней. Перед выходом из яиц змейки проделывают небольшое отверстие в оболочке яйца («наклевание»), однако не спешат покинуть надежное убежище, оставаясь в нем еще более суток.

чтобы спокойно пройти мимо маленькой ядовитой твари, оказавшейся в его полной власти. Тем более что от её грозных старших братьев он не знал бы, в какую сторону бежать! Парень присел над гюрзёнком, начал его запугивать, замахиваться на него, делать ему «козу» из двух пальцев и вообще, по – всякому дразнить его.

Бедный гюрзёнок извивался всем телом, пытаясь уклониться от грозной «козы» страшного плохого дяди и, в свою очередь, добраться первый раз в жизни парой своих маленьких зубиков до большого забияки. Однако преждевременно покинуть свой кожаный мешок ему не советовал врождённый инстинкт, а добраться до «козы» ему не давал быстро отдёргивающий руку неприятель.

Парень не учёл того, что эти малыши являются очень активными животными. С момента рождения они довольно агрессивно реагируют на человека и пытаются укусить его. Другие змеи не такие. Абсолютное большинство маленьких новорождённых гадючек можно без опаски держать на ладони. С гюрзами такие штучки не проходят. Укус этих змей несет опасность человеку с самого момента рождения.

Наконец парень полностью уверился в своей безнаказанности, расслабился и нерасчётливо близко подвёл «козу» к головке змеёныша. Тот, из последних сил пытаясь защититься и хоть чем-то напугать или заставить держаться подальше напавшего на него грозного врага, применил единственный, данный ему природой способ защиты и нападения. Собравшись в мешке в «гармошку», гюрзёнок, по примеру своих взрослых братьев, резко распрявился и неожиданно быстро и высоко, на всю длину своего тела (а это около 25 сантиметров) высунулся в маленькую, «проклянутую» незадолго до этого дырку.

Взрослая крупная гюрза таким способом прыгает примерно на два метра. Детёныш не достиг таких высоких результатов. Зато ему удалось решить главную задачу для выживания в данный момент: он сумел заставить врага врасплох. Гюрзёнок изловчился и «тяпнул» своими маленькими ядовитыми зубиками за один из двух пальцев страшной рогатой «козы»! Парень родился и вырос в этих местах и был прекрасно осведомлён, что укус гюрзёнка, даже только что вылупившегося из яйца, без применения сыворотки «антигюрза», если и не будет смертельным, то обеспечит ему массу неприятностей со здоровьем!

То есть, другими словами ему немедленно нужно было добираться до медпункта. А вдруг там есть сыворотка! Именно такой способ защиты здоровья и спасения драгоценной жизни себя любимого рекомендовала нам инструкция по технике безопасности. Можно конечно было пустить всё происшедшее на самотёк, и заняться вплотную воспитанием этой негодной малолетней гюрзы.

Однако настроение у нашего героя безнадежно испортилось, интерес к игре со змеёнышем испарился «как сон, как утренний туман», педагогические подвиги воспитания подрастающего змеиноного поколения его больше не вдохновляли. На несколько секунд он оторопел и с изумлением неподвижно взирал на прокушенный палец. На нём были две еле заметные ранки от тонких, как иголка, но уже довольно длинных и исправно пропускающих яд зубиков ловкого гюрзёнка.

Забияка никак не мог поверить своим глазам и наглядному результату только что увлекательно проходившей опасной игры, мало чем уступающей знаменитой захватывающей дух русской рулетке. Наконец, пришёл в себя и начал действовать в меру своих знаний. Он тут же перочинным ножом разрезал палец и попытался выдавить оставшийся в ранке яд вместе с кровью. В народе такой способ удаления яда тогда ещё часто практиковали, хотя уже было доказано, что он не только бесполезен, но и опасен, так как способствует дополнительному инфицированию организма через поражённые ядом ткани в месте укуса. После этой экзекуции над собой парень энергичной рысью двинулся к медпункту.

По пути ему нужно было ещё как-то перебраться вместе с одеждой через грозный бурлящий Каферниган. Переплыть эту горную реку с ледяной водой, когда тебя сносит стреми-

тельное течение от верхнего порога (под которым нужно было зайти в реку) до нижнего порога (перед которым необходимо было выйти на противоположный берег, если не хочешь, чтобы тебя вынесло на пороги), надо было умудриться! Я, например, переплыл его летом, с разбега, одетым в одни плавки, будучи совершенно здоровым и уверенным в себе. Тем не менее, мне удалось выплыть на другую сторону реки в каком-то метре от начинавшейся гряды валунов следующего порога! Не знаю, протащило ли, нашего героя по порогу, но Каферниган он переплыл, и до медпункта добрался.

По словам врача, всё тело у него уже было в кровоподтёках, а укушенная рука – сплошного багрового цвета, с сеткой кровоизлияний от лопнувших сосудиков. Дело в том, что во время бега и быстрого плавания, кровь значительно быстрее разнесла змеиный яд по всему телу и внутренним органам парня, чем – если бы он находился в спокойном состоянии.⁴

Врач решила, что парень крепко избит, пока он не произнёс: «Гюрза», – и не показал распухший бесформенный разрезанный палец на отёчной руке. В этот день сыворотка «антигюрза» оказалась в наличии в медпункте, врач, как ни странно, тоже оказалась на месте. Она обработала рану йодом и поставила нашему герою противоядие. Впрочем, эта мера была уже малоэффективной, так как практически весь змеиный яд был разнесён по организму и начал своё токсическое разрушительное действие.

С неделю парень провалялся в больнице, и прошло лишь несколько дней с момента выписки его домой на амбулаторный режим. При ближайшем рассмотрении сосед действительно очень походил на избитого. Но гораздо опаснее было то, что у отравленного змеиным ядом человека лопаются стенки сосудов и во внутренних органах, а это требует гораздо более длительного и интенсивного лечения. Так что неуверенно передвигающегося соседа я наблюдал ещё довольно долго. Всё закончилось для него благополучно, наверное, поэтому местные жители могли позволить себе исподтишка посмеиваться над незадачливым хулиганистым «змееловом»: «Крепко «отдубасил» едва вылупившийся из яйца гюрзёнок нашего поселкового забияку! Может быть, это ему на пользу пойдёт – меньше будет задираться!». Можно было предположить, что этот жестокий урок парень запомнит на всю жизнь.

⁴ Яд гюрзы, попадая в кровь человека или животного, начинает разрушать эритроциты, вызывает свертываемость крови. Возникают многочисленные внутренние кровоизлияния, сильнейший отек в области укуса, закупорка сосудов. Все это сопровождается резкой болью, головокружением, рвотой. Если не оказать быструю помощь, человек умирает через 2–3 часа.

4. Восточный базар

В первый же выходной день мы с Лёшей отправились за продуктами, а больше из любопытства, за местной экзотикой на восточный базар в городок Орджоникидзебад.⁵

Этот город располагался примерно в десятке километров от посёлка Разведчиков. Дорога проходила вдоль реки Каферниган (сейчас Кофарнихон). Несмотря на обилие холодной чистой воды, в большом количестве протекающей по долине, земля уже в нескольких метрах от реки была абсолютно сухой, выжженной солнцем, кое-где растрескавшейся в виде правильных многоугольников с пятью – восемью гранями, и почти повсеместно покрыта редкими колючками. При приближении к Орджоникидзебаду увидели подвесной пешеходный мост с верёвочными перилами через реку. На противоположной стороне, сразу за мостом, начинался город.

Переходя через горную реку по качающемуся, вздрагивающему от каждого шага людей мосту, невольно залюбовались дикой красотой бурной горной реки. Немного постояли над стремительно несущимся водным потоком, держась за ненадёжные перила, рассматривая белые пенистые буруны на ближайшем пороге и слушая грозный рокот Кафернигана.

Река Кофарнихон весной.

Картина мощной природной стихии притягивала, манила, как бездна, завораживала. Хотя мы находились не в самой реке, а на мосту над ней, но мысль, что могли в любую минуту свалиться с этого игрушечного раскачивающегося сооружения и оказаться среди бушующих волн бешеного течения, со звериной силой хлещущего по огромным валунам, вставшим на пути неукротимого потока, добавлял нам адреналина в кровь!

⁵ Город Вахдат был организован 17 сентября 1927 года, который до 3 апреля 1936 года назывался Янгибазаром. С 1936 года Орджоникидзебад. В декабре 1991 года был переименован в город Кофарнихон. С 2003 года город Вахдат. Территория города составляет 3.99 тысяч квадратных километров, население составляет более 240 тысяч человек. Территория города в основном расположена на высоком берегу реки Кофарнихона и на склоне Южных гор Гиссара и северных предгорий Рашта. Южная граница горных хребтов Рангона и западная сторона продолжается до восточной стороны Гиссарской долины.

Мы смотрели на реку в направлении против потока. Собрались было уходить, но метрах в двухстах я уловил краем глаза какое-то движение на берегу. Заинтересовался происходящим там и обратил внимание спутника на эту картину. Посмотрели на берег повнимательнее и увидели нескольких местных мальчишек, которые спускали к реке накачанные автомобильные камеры. Почти голые, загорелые до темно-коричневого цвета разновозрастные подростки были, все как один, одеты в чёрные плавки. Они положили свои импровизированные плавательные средства в воду у самой кромки Кафернигана и, не спеша, расположились каждый на своей «лодке». Камеры были большими, а мальчишки – маленькими, поэтому каждому участнику этого опасного путешествия пришлось практически лечь спиной на круг. За пределы этой круглой «лодки» у них попали только ступни ног. Участники рискованного плавания практически одновременно оттолкнулись от берега и плотной группой стали выплывать на самый стрежень бушующей реки.

Теперь мы застыли на месте и уже не думали прерывать столь захватывающее зрелище. Кавалькада хорошо накачанных автомобильных камер от грузовиков с еле заметными на их фоне телами ребятни постепенно приближалась середине быстрой горной реки, всё ускоряя и ускоряя своё движение относительно берегов. Вот флотилия достигла выпуклого белёсого пенного водяного потока и с большой скоростью ринулась вниз по течению, стремительно приближаясь к нашему мосту и к порогу перед ним.

Один за другим резиновые «плотики» влетали на порог между беспорядочно торчащих из воды каменных глыб, окутанных брызгами. Опытные «капитаны» ловко уходили от прямых столкновений с валунами, допуская только удары о них упругими бортами своих маленьких плотиков. Обратил внимание, что главной задачей «лоцманов» этих «судёнышек» было не допустить вращения своих кругов. Мальчишки изо всех сил гребли каждой из рук по-разному, то вперёд, то назад, удерживая свои лодки в одном положении. Они добивались того, чтобы их ноги были направлены только вперёд, и река всегда находилась перед их взглядом. Рискованные, опытные (это было заметно по их действиям во время преодоления порога) «речные волки», покачиваясь на волнах неторопливо (по сравнению со скоростью движения между камней наклонного ложа порога) приближались к следующей каменной преграде.

Проводили взглядом этих юных «камикадзе» и через последующий порог. Наконец, усилием воли оторвали очарованные взгляды от грозной стихии и стайки ребятни на кругах, превратившихся вдали в чёрные точки, и перешли реку. Дальше наш путь пролегал преимущественно среди таких же, что и в посёлке Разведчиков, одноэтажных частных глинобитных домов, по тихим, узким почти безлюдным полуденным улочкам. Лишь иногда ближе к центру и рынку встречались одно-, двух- и даже трёхэтажные здания государственной постройки, в которых располагались городские службы и административные органы. Каждый двор частного строения был огорожен высокой глинобитной стеной и полностью скрывал жилые и хозяйственные постройки владельца и их обитателей. Лишь иногда приоткрывалась какая-нибудь небольшая калитка в одной из стен, и оттуда сквозь небольшую щель выглядывали один или несколько любопытных чёрных глаз местных девочек, обитающих в этих глухих «крепостях». Делать этого по местным обычаям не одобрялось, но природное женское любопытство брало верх.

Улочки окраины были покрыты слоем очень тонкого пылеватого коричневого, абсолютно сухого песка. Эта пыль вела себя как вода. Она струйками выплёскивалась из-под ног, затем часть её небольшим облачком поднималась над улицей и долго висела в воздухе. Во всяком случае, у нас так и не хватило терпения дожидаться, пока она полностью осядет. Ближе к центру города проезжая часть улицы была подсыпана щебнем, а вдоль домов появились вымощенные пешеходные дорожки. По одной из таких улочек мы и попали на местный базар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.